475685 р

Многоуважаемому П. К. Симони
М. Попруженко

4936

ИЗЪ РУКОПИСНАГО СОБРАНІЯ
ОДЕССКОЙ ГОРОДСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

1943 г.

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Сад. р. Губ. Ленина.

I

ПИСЬМА
И. С. ТУРГЕНЕВА
КЪ
Л. Н. и Л. Я. Стечькинымъ.

Изданіе гр. М. М. ТОЛСТОГО

подъ редакціей М. Г. Попруженко.

475685

475685

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578. Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ,

475685

Э
Инв 9310
Изъ

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ
Самар. Губ. Земства.

КНИГИ ИЗ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

ИЗЪ РУКОПИСНАГО СОБРАНІЯ
ОДЕССКОЙ ГОРОДСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

891.71.092
Т87

1943 г.

I

ПИСЬМА

И. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ

Л. Н. и Л. Я. Стечькинымъ.

Изданіе гр. М. М. ТОЛСТОГО

подъ редакціей М. Г. Попруженко.

ОБЛАСТНАЯ
БИБЛІОТЕКА
475685

Дозволено цензурою. Одесса, 18 сентября 1902 года.

ОДЕССА.
Тип. Акціонернаго Южно-Русск. О-ва Печатнаго Дѣла
(Пушкинская ул., соб. д. № 20).
1903.

Въ Одесской Городской Публичной Библіотекѣ въ теченіе ея почти 75-лѣтняго существованія образовалось довольно значительное собраніе различныхъ рукописныхъ матеріаловъ, среди которыхъ многіе весьма цѣнны и могутъ быть небезполезны при изученіи русской исторіи и литературы.

Сдѣлать что-либо изъ этихъ матеріаловъ доступнымъ для общаго пользованія до послѣдняго времени возможнымъ не представлялось.

Только въ текущемъ году библіотека, благодаря щедрости своего попечителя графа М. М. Толстого, получила средства для изданія нѣкоторыхъ изъ названныхъ матеріаловъ подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ рукописнаго собранія Одесской Городской Публичной Библіотеки".

Въ предлагаемомъ первомъ выпускѣ этого изданія печатаются письма И. С. Тургенева къ Л. Н. Стечькиной († 23 августа 1900 г.) и Л. Я. Стечькиной († 30 декабря 1900 г.), которая, нуждаясь въ поддержкѣ и въ совѣтахъ при своихъ литературныхъ занятіяхъ, обратилась въ началѣ 1878 года съ письмомъ къ И. С. Тургеневу, съ которымъ и находилась въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ въ перепискѣ и въ личныхъ сношеніяхъ.

Благодаря этимъ сношеніямъ, съ И. С. Тургеневымъ познакомилась и мать Л. Я. Стечькиной—Л. Н. Стечькина, которая также переписывалась съ нимъ.

Дѣлая нынѣ эти письма нашего великаго писателя общимъ достояніемъ, мы старались по возможности въ полной неприкосновенности сохранить орѳографію ихъ оригиналовъ, составляющихъ собственность библіотеки.

Октябрь 1902 г.

I.

50, rue de Douai, Paris.
Суббота, $^{30}/_{18}$ марта 1878.

Милостивая Государыня

Любовь Яковлевна!

Спѣшу отвѣчать на только что полученное мною Ваше письмо.

Я вашей повѣсти въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ не читалъ,— но помню—довольно, впрочемъ, смутно, что по ея поводу была полемика въ газетахъ*). Полемика эта, вѣроятно, теперь позабыта и не помѣшала бы появленію Вашего новаго труда въ одномъ изъ „толстыхъ“ журналовъ. Изо всѣхъ этихъ журналовъ я состою въ сношеніяхъ только съ „Вѣстникомъ

*) Рѣчь идетъ о *первомъ* произведеніи Л. Я. Стечькиной, именно о разсказѣ „Первая гроза“ („Русск. Вѣстникъ“, іюль 1875 года).—О полемикѣ по поводу этого разсказа см. „Русскій Вѣстникъ“ за 1875 же годъ кн. 9 (сентябрь) въ статьѣ „Литературный куріозъ“; статья эта представляетъ отвѣтъ на вызванныя разсказомъ Стечькиной критическія статьи, которыя большей частью (см. напр. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 1875 г. 23 августа — № 223) порицали направленіе названнаго произведенія. Статья „Литературный куріозъ“ между прочимъ опровергаетъ и заявленія Л. Я. Стечькиной о томъ, что ея разсказъ „Первая гроза“ редакціей „Русск. Вѣстника“ напечатанъ съ произвольными искаженіями.

М. П.

Европы“ — и переписываюсь съ редакторомъ, г. Стасюлевичемъ. Я не знаю за нимъ никакой „брезгливости“, и онъ, конечно, приметъ съ охотою всякое произведеніе, въ которомъ признаетъ печать таланта. На мою рекомендацію онъ во всякомъ случаѣ обратитъ вниманіе, хотя и мнѣ случалось испытывать отказъ не однажды. — Но мнѣ невозможно говорить о произведеніи мнѣ неизвѣстномъ; и потому — либо потрудитесь прислать мнѣ Вашу повѣсть сюда (я выѣзжаю отсюда въ первыхъ числахъ мая) — либо подождите моего пріѣзда въ Петербургъ.

Въ глазахъ остальныхъ г. редакторовъ моя рекомендація можетъ только повредить Вамъ.

Въ ожиданіи Вашего отвѣта, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи

Вашего покорнѣйшаго слуги

Ив. Тургенева.

II.

50, rue de Douai, Paris.

Пятница, $\frac{3 \text{ мая}}{21 \text{ апр.}}$ 78.

Милостивая Государыня

Любовь Яковлевна!

Спѣшу извѣстить Васъ, что получилъ сегодня Вашу рукопись.

Я немедленно примусь за нее и, какъ только кончу, напишу Вамъ свое откровенное мнѣніе. Мнѣ это будетъ тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что въ слѣдствіи припадка подагры я принужденъ сидѣть дома и раньше двухъ недѣль не выду изъ комнаты.

Я получилъ также то письмо, въ которомъ Вы такъ строго отзываетесь о собственномъ произведеніи. Буду стараться позабыть все, что вы сказали о немъ — и приступлю къ чтенію безо всякихъ предвзятыхъ впечатлѣній, насколько это возможно.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Ив. Тургеневъ.

III.

50, rue de Douai, Paris.

Вторникъ, $\frac{7 \text{ мая}}{25 \text{ апр.}}$ 78.

Милостивая Государыня

Любовь Яковлевна!

Я прочелъ Вашу повѣсть и вотъ что имѣю сказать Вамъ: у Васъ талантъ несомнѣнный, оригинальный, живой и даже поэтическій — но „*Кривыя Деревья*“ печатать не слѣдуетъ, — ибо я — извините рѣзкость выраженія — болѣе уродливаго или говоря точнѣе — болѣе изуродованнаго произведенія не знаю! Все, что Вы говорите въ Вашемъ письмѣ о Вашихъ двухъ герояхъ, — совершенно вѣрно и изобличаетъ въ Васъ замѣчательное критическое чутье: тѣмъ удивительнѣе, тѣмъ непостижимѣе то, что Вы сдѣлали! Задавшись задачей, которая только что подъ силу первоклассному таланту, а именно опредѣленіемъ и развитіемъ отношеній Вашей героини къ Митѣ, — поставивъ эту задачу вѣрно и тонко, — Вы вдругъ ни съ того, ни съ сего вводите въ Вашъ разсказъ больного, исковерканнаго — и къ тому-же никому ненужнаго и неинтереснаго субъекта, возитесь съ нимъ, заставляете его все перепортить, — вводите мелодраматическія

неожиданности—словомъ обращаете всю свою работу въ прахъ! Какъ это Вы не почувствовали, что, напр., ночныя сочинительства Юрія—производятъ впечатлѣніе комическое,—и отъ этого шутовства Ваша живая, славная Варя пала?!!! И потомъ этотъ цитатъ изъ Беранже—что за хитро сплетенная, капризная патологія!! Вотъ ужъ точно можно повторить съ Лермонтовымъ *):

А если и случалось имъ,
Такъ мы и слышать не хотимъ!

Въ клиникахъ бываютъ такіе факты, что больной возьметъ да откуситъ фельдшеру носъ—чтожъ? и это „возводить въ перлъ созданія?“ Я потому говорю съ Вами такъ рѣзко, что вижу въ Васъ дарованіе, изъ ряду вонъ выходящее—и что больно видѣть, какъ та-же рука, которая начертала, напр., хоть ту сцену, гдѣ Варенька купаетъ руки въ водѣ—и потомъ ту, когда Митя ночью приходитъ въ зимній садъ—сцены, которыя бы сдѣлали честь любому изъ нашихъ писателей—больно видѣть, какъ та-же рука путается въ какихъ-то вычурныхъ и скучныхъ арабескахъ! По моему, Вамъ остается одно: совершенно отбросить 2-ую часть съ этимъ Юріемъ (котораго Вы можете со временемъ пустить въ дѣло въ другомъ разсказѣ),—хорошенько вдуматься въ исторію Мити, Вареньки и ея мужа и представить намъ правильное и вѣрное развитіе этой исторіи.—Это будетъ живая и интересная вещь. Съ однимъ только условіемъ.—У Васъ несомнѣнный даръ психологическаго анализа; но онъ часто переходитъ въ какую-то кропотливую нервозность, Вы хотѣли уловить всѣ колебанія психическихъ состояній—и впадаете иногда въ мелочность, въ капризъ—наконецъ

*) „Журналистъ, читатель и писатель“. М. П.

[illegible]

Васъ понять не возможно или очень трудно и безъ нужды, безо всякой пользы. (Такъ, напр., я, признаюсь, хоть и раза два перечиталъ, а все таки не понялъ, что такое происходило въ Варенькиной душѣ послѣ первой поѣздки верхомъ?). Мнѣ иногда невольно припоминались слова одной барышни, которую я знавалъ въ молодости: „Это очень трудно, потому что легко; хоть съ другой стороны оно и легко, потому что трудно.“ Rirez vous de là! И потомъ, какъ это у Васъ всѣ безпрестанно плачутъ, даже рыдаютъ, чувствуютъ страшную боль, потомъ сейчасъ необыкновенную легкость и т. д. Я не знаю, много ли вы читали Льва Толстого; но увѣренъ, что для Васъ изученіе этого—безспорно перваго русскаго писателя—положительно вредно. Вы слишкомъ часто доказали, что Вамъ *дѣло дается въ руки,* чтобы не броситъ всю эту возню, эти пируеты на остріѣ булавки и т. д.

Однако довольно я Васъ бранилъ; надо-жъ и похвалить... оно же и веселѣе. Вы пишете славнымъ языкомъ, несмотря на изрѣдка попадающіеся галлицизмы („фасонъ, *которымъ* было сшито это платье, давалъ чувствовать“ и т. д.).—Описанія Ваши превосходны, рельефны, просты, жизненны. Всякій разъ, когда Вы касаетесь природы,—у Васъ выходитъ прелестно—и тѣмъ болѣе прелестно, что Вы всего кладете два, три штриха, но *характерныхъ*... И въ психологической работѣ надо также поступать... car le secret d'ennuyer est celui de tout dire. Въ этомъ умѣніи класть характерные штрихи—я вижу Вашъ *поэтическій* даръ.—Словомъ, изъ Васъ можетъ выдти писатель очень крупный; у Васъ на то всѣ данныя. Развѣ вы сами возьмете да испортите себя. Сожалѣю, что не знаю, ни сколько Вамъ лѣтъ, ни то, за-мужемъ Вы или дѣвица?—

P. S. Я раньше конца іюня (нашего стиля) не попаду въ Россію (такъ какъ сначала буду въ Карлсбадѣ) и то не въ Петербургъ, а къ себѣ въ деревню прямо (чрезъ Динабургъ)—Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда. Но такъ какъ Вы живете возлѣ Тулы, то намъ можно будетъ тамъ увидѣться. Скажите, что дѣлать съ Вашей тетрадью? Я остаюсь здѣсь еще 3 недѣли.

Крѣпко жму Вашу руку и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

IV.

Москва.
Удѣльная контора, на Пречистенскомъ бульварѣ. Пятница, 4 авг. 78.

Милостивая Государыня

Любовь Яковлевна!

Спѣшу увѣдомить Васъ, согласно Вашему желанію, что я выѣзжаю изъ Москвы въ воскресеніе, а понедѣльникъ пробуду частію въ Тулѣ, и потому если Вамъ угодно пріѣхать въ Тулу въ понедѣльникъ утромъ, то Вы меня увидите—и я Вамъ передамъ Вашу рукопись. Не зная хорошенько самой Тулы, я не могу Вамъ назначить гостиницу, гдѣ я остановлюсь, но это Вы узнаете либо на станціи желѣзной дороги—либо въ домѣ моего знакомаго губернскаго предводителя Самарина; впрочемъ, я полагаю, хорошихъ гостиницъ въ Тулѣ немного. Кромѣ этого письма, я пошлю Вамъ завтра телеграмму—по назначенному Вами адрессу.

Мнѣ весьма будетъ пріятно свидѣться и побесѣдовать съ Вами,—а до тѣхъ поръ примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

V.

С. Спасское-Лутовиново
(Орловской губ.— въ городъ Мценскъ).
Четвергъ, 24 авг. 78.

Милостивая Государыня

Любовь Яковлевна!

Я выѣзжаю отсюда раньше, чѣмъ я думалъ,—а именно въ будущій четвергъ 31 августа. Ночь съ четверга на пятницу я проведу въ Тулѣ—въ Петербургской гостинницѣ—и утромъ пріѣду въ Вашу деревню; но прошу Васъ написать мнѣ теперь же сюда, въ какомъ именно часу отходитъ *первый* утренній поѣздъ изъ Тулы на станцію Суходолъ. Я потому говорю: первый поѣздъ, что въ тотъ же день вечеромъ, т. е. въ пятницу—долженъ возвратиться въ Тулу и ѣхать дальше въ Москву.

Вы будете такъ любезны и вышлете мнѣ экипажъ на станцію. *)

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Простите, что пишу на полу-листикѣ.

*) Объ этомъ своемъ намѣреніи побывать въ деревнѣ у Л. Я. Стечькиной Тургеневъ писалъ 25 авг. 1878 г. и Л. Н. Толстому, котораго также собирался навѣстить изъ Тулы въ этотъ свой пріѣздъ въ Россію. См. „Первое собр. писемъ И. С. Тургенева“ (Спб. 1884, № 271), около упоминаемой въ этомъ письмѣ станціи Суходолъ (Тульской губ., по ряжско-вяземской жел. дор.)—находится сельцо Плутнево, гдѣ постоянно проживала Л. Я. Стечькина и куда адресована ей большая часть писемъ Тургенева.

М. П.

VI.

С. Спасское-Лутовиново (Орловской губ. въ городъ Мценскъ).
Вторникъ, 29 авг. 78.

Милостивая Государыня

Любовь Яковлевна!

Спѣшу отвѣтить на только что полученное отъ Васъ письмо. Мнѣ будетъ удобнѣе пріѣхать къ Вамъ въ пятницу *1-го сентября въ 2 часа дня*, а выѣхать отъ Васъ въ ночь съ 1-го на 2-ое въ 3 ч. пополуночи. Если Вашему брату угодно меня проводить, то пусть онъ будетъ въ вокзалѣ около 12 ч. въ пятницу. Полагаю, что онъ меня узнаетъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности

Ив. Тургеневъ.

VII.

С.-Петербургъ.
Европейская гостиница.
Вторникъ, $^{5}/_{17}$ сент. 78.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Прошу передать прилагаемую фотографію Вашей матушкѣ. Сожалѣю, что не могъ найти болѣе удовлетворительнаго портрета, а другого дѣлать некогда: я завтра уѣзжаю въ Парижъ. Скажите такъ-же Вашей матушкѣ, что надпись сдѣланная мною — не есть фраза, — а выраженіе дѣйствительнаго чувства.

Размышляя о томъ, что Вы мнѣ прочли, я убѣдился, что Вами руководилъ вѣрный художественный инстинктъ,

когда Вы ввели новое лицо Пашеньки; то, что случилось съ нею, должно быть—если не оправданіемъ, то хоть нѣкоторымъ изъясненіемъ того, что случилось съ Вашей героиней, на которую судьба Пашеньки должна произвести глубокое, сильное, хотя почти безсознательное впечатлѣніе... Именно *такія* впечатлѣнія часто рѣшаютъ весь послѣдующій смыслъ и характеръ жизни. Отъ души желаю, чтобы Вы сладили съ Вашимъ труднымъ, труднымъ сюжетомъ... Но Вы молоды—и у Васъ талантъ неподдѣльный и несомнѣнный. Вотъ ужъ точно можно сказать: spiritus flat ubi vult... Какъ это такой сюжетъ залетѣлъ въ такой оазисъ, каковъ Вашъ, да еще въ голову барышни, дѣвицы?

Буду съ нетерпѣніемъ ожидать Вашего извѣщенія. Кстати, не будетъ ли съ моей стороны нескромностью попросить Вашей фотографіи, но только, если возможно, не въ томъ слегка взбудораженномъ видѣ? (Я говорю о волосахъ). Если же другой нѣтъ, то я и за эту скажу спасибо.

Мой постоянный адресъ: Парижъ, 50, rue de Douai.

Передайте мой дружескій поклонъ всѣмъ Вашимъ и примите увѣреніе въ искренней моей преданности

Ив. Тургеневъ.

VIII.

Парижъ.

50, rue de Douai. Середа, $\frac{12 \text{ окт.}}{30 \text{ сент.}}$ 1878.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Вчера я получилъ Ваше письмо съ фотографіей, за которую весьма благодарю. Она очень хороша и похожа, несмотря на нѣсколько эксцентрическую прическу.—Изви-

ните за хлопоты, которыя Вамъ причинила попытка сдѣлать другую. Съ своей стороны я обѣщаюсь Вамъ сняться на дняхъ,—и если фотографія выдетъ лучше той, которую я доставилъ Вашей матушкѣ (что впрочемъ не трудно),—я немедленно перешлю ее Вамъ въ двухъ экземплярахъ.

Ваши замѣчанія на счетъ продолженія Вашего романа и полусознательнаго вліянія, которое долженъ произвести на Вашу героиню—случай съ Пашенькой—совершенно вѣрны. Принявъ это за точку отправленія, не вдавайтесь въ *излишнее* мотивированіе: такъ какъ, при всей странности, дѣло естественно и даже логично,—то путный читатель повѣритъ Вамъ и пойметъ Васъ,—а непутный... Господь съ нимъ—для него и писать не стоитъ.

Вы правильно указали на главный грѣхъ Вашей Вареньки—ея жажду счастья „во что бы то ни стало“;—и выраженіе Ваше „совершенно непривычная покорность“—тоже очень вѣрно и счастливо. Все, что вы говорите болѣе и болѣе возбуждаетъ во мнѣ и надежду, что Вы справитесь съ Вашей задачей—и желаніе увидѣть ее поскорѣе оконченной.—На другой день моего пріѣзда въ Парижъ я имѣлъ свиданіе съ редакторомъ „Вѣстника Европы“—М. М. Стасюлевичемъ—и много говорилъ съ нимъ о Васъ: онъ мнѣ показался весьма заинтересованнымъ въ благопріятномъ исходѣ Вашего предпріятія, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что страницы его журнала для Васъ раскрыты настежь.

Мнѣ кажется нужнымъ напомнить Вамъ о сокращеніи вводныхъ лицъ, которыми изобиловалъ Вашъ романъ (впрочемъ, и вы были тогоже мнѣнія).—Этюды эти могутъ Вамъ пригодиться въ послѣдствіи; а именно въ такомъ произведеніи, каково Ваше,—все, что не содѣйствуетъ прямо ходу драмы, кажется излишнимъ и даже утомительнымъ

для читателя.—Ему некогда останавливаться: онъ долженъ быть увлеченъ неудержимо. Это не значитъ, чтобы Вамъ слѣдовало писать въ родѣ А. Дюма; впрочемъ объ этомъ много толковать нечего: Вы очень хорошо знаете, что я памѣренъ сказать.

И такъ мнѣ остается прибавить одно: работайте, работайте!

За симъ прошу Васъ передать мой дружескій привѣтъ Вашей матушкѣ и всѣмъ Вашимъ—и крѣпко пожать Вашу руку.

Искренно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

IX.

50, rue de Douai, Paris.

Середа, $^{27}/_{15}$ нояб. 78.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, я все это время ожидалъ отъ Васъ, если не присылки Вашего романа, то хоть извѣщенія о томъ, что онъ подвигается къ концу; но, не получая отъ Васъ ничего, я позволяю себѣ письменно обратиться къ Вамъ съ вопросомъ: какъ и въ чемъ дѣло? Здоровы-ли Вы—и всѣ Ваши? работаете ли Вы и т. д. Мнѣ было бы весьма пріятно получить отъ Васъ хотя короткій отвѣтъ.

О себѣ скажу Вамъ, что мое здоровье продолжаетъ быть удовлетворительнымъ, что я ничего не дѣлаю—и даже не снялъ съ себя фотографію, которой хотѣлъ замѣнить ту дурную, посланную Вамъ.—Не скажу, чтобы это бездѣйствіе было вполнѣ извинительно; но оно понятно въ старикѣ. Зато въ Ваши годы и съ Вашимъ талантомъ оно было бы

точно непзвинительно. Да я и увѣренъ, что Вы этого упрека не заслуживаете.

Прошу передать мой усердный привѣтъ всѣмъ Вашимъ —и принять отъ меня увѣреніе въ чувствахъ искренняго уваженія и преданности

Ив. Тургеневъ.

X.

Парижъ.
50, rue de Douai.

Четвергъ, $\frac{12 \text{ дек.}}{30 \text{ нояб.}}$ 78.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, я получилъ вчера Ваше письмо и посылаю Вамъ сегодня всего два слова—для того только, чтобы опять подтолкнуть или подстрекнуть Васъ, ибо увѣренъ, что застану еще Вашу рукопись неотправленной.

Какъ это Вы хотите, еще не окончивъ своего романа, уже судить о немъ? При всей тонкости Вашего критическаго чувства—это невозможно. Вы слишкомъ близко стоите къ Вашей картинѣ,—надо отодвинуться. Я знаю, что ко всѣмъ молодымъ начинающимъ авторамъ примѣнимы (въ отношеніи ихъ воззрѣнія на собственныя дѣтища) слова Гёте въ Фаустѣ:

Vom Himmel forderst du die schönsten Sterne
Und von der Erde jede höchste Lust *)...

и потому они всегда недовольны... Но это неизбѣжно. Молодой авторъ *долженъ* ставить себѣ самый высокій

*) Мефистофель говоритъ о Фаустѣ: Vom Himmel *fordert er*... и дальше, какъ у Тургенева. (Ср. Faust, Prolog im Himmel).

идеалъ и *долженъ* вѣрить, что онъ его достигнетъ... а на сколько это ему удалось,—предоставьте судить намъ, старикамъ. Изо всего этого слѣдуетъ, что Вы должны какъ можно скорѣе выслать мнѣ вторую часть.

Такъ какъ я дѣйствительно „ничего не дѣлаю“, то у меня и нѣтъ никакого извиненія: почему я до сихъ поръ не снялъ съ себя фотографіи? Но это будетъ совершено *завтра* же и, вѣроятно, черезъ недѣлю экземпляръ поѣдетъ къ Вамъ. А, пока, желаю Вамъ всѣмъ всего хорошаго и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XI.

50, rue de Douai, Paris.

Воскресенье, $\frac{\text{5 янв. 79.}}{\text{24 дек. 78.}}$

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, я получилъ вторую часть Вашего романа, *) немедленно прочелъ ее, пропустилъ день, перечелъ ее опять—и вотъ мое впечатлѣніе: надо тотъ часъ это напечатать—и переправлять не для чего: Вы лучше не сдѣлаете, и то, что сдѣлано очень хорошо, оригинально, смѣло... смѣло до того, что *почти* невозможно.—Это очень странная, но *живая* вещь... а это главное. Иное мнѣ показалось до того „крутымъ“,—что такъ и летишь вмѣстѣ съ авторомъ въ какой то оврагъ.

*) И. С. Тургеневъ 28 декабря 1878 года писалъ Л. Н. Толстому: „Моя тульская знакомая Л. Стечькина прислала мнѣ вторую часть своего романа, которою я остался такъ доволенъ, какъ и первою. Вѣроятно, онъ будетъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Мнѣ любопытно знать, что вы скажете объ этомъ?“ См. „Первое собр. писемъ И. С. Тургенева“, № 275.

М. П.

Однако упавши, чувствуешь, что ничего не сломано — и опять спѣшишь впередъ. Не могу вторично не выразить своего удивленія, какъ это Вамъ, именно Вамъ, при Вашей обстановкѣ — пришолъ въ голову такой сюжетъ — и какъ это Вы съ нимъ справились? Конецъ особенно очень хорошъ — или, говоря точнѣе, хорошо то, что нѣтъ конца... Я боялся, какъ бы Вы не сочли нужнымъ округлить, примирить — „versöhnen“, какъ говорятъ нѣмцы... но и тутъ Васъ спасъ Вашъ художественный инстинктъ. Взятъ и поставленъ передъ читателемъ кусокъ жизни; а тамъ, пускай онъ придумываетъ послѣдствія и выводы. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что на Васъ посыплятся всяческіе критическіе укоры и нареканія; но найдутся люди, которымъ Вы станете дороги — и которые поймутъ, что они имѣютъ дѣло съ живой литературной физіономіей. — Къ тому же, мнѣ сдается, что при всей Вашей впечатлительности и женственности — Вы не робкаго десятка... Слѣдовательно, толковать нечего... а надо печатать.

Но не полагаете-ли Вы, что слѣдуетъ прислать сюда и первую часть, а ужъ я отправлю обѣ къ Стасюлевичу? Немногочисленные грамматическіе промахи и провинціализмы (какъ напр.: „вершина“ вмѣсто „оврагъ“) я, съ Вашего разрѣшенія, исправлю. Если Вы раздѣляете мое мнѣніе, то не мѣшкайте присылкой: надо, чтобы Вашъ романъ былъ въ В(ѣстникѣ) Е(вропы) *до* весны.

А за симъ, крѣпко и дружески жму Вашу руку, которая призвана написать еще много, много хорошихъ вещей. Поклонитесь отъ меня Вашей матушкѣ и вѣрьте въ искреннее и горячее сочувствіе

преданнаго Вамъ

Ив. Тургенева.

XII.

50, rue de Douai, Paris.

Вторникъ, 7 янв. 79. / 26 дек. 78.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, я третьяго дня писалъ Вамъ, а сегодня пишу опять — нѣсколько строкъ — вонервыхъ для того, чтобы подтвердить все сказанное въ первомъ письмѣ, а вовторыхъ для того, чтобы подвергнуть Вашему усмотрѣнію: не перемѣнить ли заглавіе Вашего романа? „Кривыя деревья“ что-то очень напоминаютъ затѣйливыя заглавія критическихъ статей въ „Дѣлѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ („Сердитое безсиліе“ и т. п.) — а къ тому же: это названіе, по моему, не совсѣмъ вѣрно: не деревья кривы у Васъ,—т. е.: не сами по себѣ онѣ кривы, а какая то стихійная сила ихъ ломаетъ и гнётъ.— Впрочемъ, я могу ошибаться; подумайте, и, если Вы не найдете ничего лучшаго,—оставимъ: „Кривыя деревья“.

Не замѣшкайте прислать первую часть.

Еще разъ поздравляю Васъ съ оригинальнымъ талантомъ — въ чемъ Вы, конечно, невиноваты — такъ ужъ Господь Богъ велѣлъ — и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Передайте мой поклонъ Вашей матушкѣ.

XIII.

50, rue de Douai, Paris.

Суббота, 25/13 янв. 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, мнѣ приходится отвѣчать на три Вашихъ письма! Одна изъ причинъ, из-

вияющихъ или изъясняющихъ мое молчаніе было—ожиданіе Вашего романа,—т. е. первой части. Я хотѣлъ кстати извѣстить Васъ и объ этомъ. Изъ послѣдняго Вашего письма я вижу, что я не получу этой части раньше конца будущей недѣли, и потому я теперь же могу сказать Вамъ, что принимаю Ваше посвященіе какъ великую честь, —хотя, при настоящемъ настроеніи нашей публики,—мое имя можетъ только повредить Вамъ. Но повторяю: это посвященіе я считаю честью—и благодарю Васъ. Что же касается до заглавія—я очень радъ, что Вы согласны со мною: всякое другое будетъ лучше, и изъ тѣхъ, которыя вы мнѣ пришлете, я постараюсь выбрать лучшее. (Съ тѣхъ поръ какъ я писалъ Вамъ, я вспомнилъ, что г. Михайловъ сочинилъ романъ, подъ названіемъ „Гнилыя болота“... Гнилыя болота, кривыя деревья... нѣтъ, это не годится). Если бы не существовало герценовскаго романа—я бы назвалъ Ваше произведеніе: „Кто виноватъ?“ Къ нему еще лучше бы шло шекспировское (въ Лирѣ): „Ни правыхъ, ни виноватыхъ“. Все, что Вы говорите объ этомъ—въ Вашемъ письмѣ, очень важно и тонко; и эпиграфъ очень хорошъ. Мой взглядъ на весь этотъ вопросъ нѣсколько объективнѣе Вашего: вотъ и все. Дядя—воспитатель виноватъ въ томъ, что сталось изъ Вареньки; но въ его винѣ —кто виноватъ? опять таки стихія русской жизни. Впрочемъ—все это—„Spitzfindigkeiten“,—какъ говорятъ нѣмцы. Главное: нужно перемѣнить заглавіе. Ваша вещь,—какъ всѣ хорошія вещи,—сложилась въ Васъ сама собою, полусознательно; вполнѣ сознательное заглавіе не идетъ.

Тотъ часъ по полученіи первой части я ее просмотрю и вмѣстѣ со второй отправлю къ Стасюлевичу, который уже предупрежденъ.

Мнѣ самому очень хочется послать Вамъ порядочную фотографію, но вотъ скоро 6 недѣль, какъ я, по милости подагры, сижу дома—и не могу сняться. Впрочемъ мнѣ теперь гораздо лучше,—и я скоро буду въ состояніи взбираться на лѣстницы и спускаться съ нихъ.

Передайте всѣмъ Вашимъ мой дружескій привѣтъ и примите увѣреніе въ искренности моего уваженія и преданности.

Ив. Тургеневъ.

XIV.

50, rue de Douai, Paris.

Пятница, $^{31}/_{19}$ янв. 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, сегодня только два слова—съ тѣмъ, чтобы извѣстить Васъ о благополучномъ прибытіи 1-й части. Сегодня же примусь за чтеніе. Уже теперь могу Вамъ сказать, что лучшее заглавіе, по моему: „Варенька Ульмина“.—Просто и безпритязательно. Очень много капитальныхъ вещей озаглавлено такимъ образомъ:—(Оливеръ Твистъ, Адамъ Видъ, Евгеній Онѣгинъ, Анна Каренина и т. п.).

Желаю Вашему роману участь, подобную участи поименованныхъ произведеній.

Такъ какъ я, по дѣламъ наслѣдства—принужденъ выѣхать въ Россію въ концѣ будущей недѣли,—то я повезу съ собою этотъ романъ и лично передамъ его Стасюлевичу. Мнѣ придется побывать въ деревнѣ—и я непремѣнно Васъ увижу. Желательныя Вами грамматическія исправленія будутъ сдѣланы. Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и дружески жму Вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

47595

XV.

50, rue de Douai, Paris.

Суббота, $\frac{8 \text{ февр.}}{27 \text{ янв.}}$ 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Сей часъ кончилъ незначительныя переправки въ Вашемъ романѣ — и какое бы ни было мнѣніе о немъ публики, — повторяю Вамъ: у Васъ несомнѣнный, правдивый, поэтическій талантъ — и я радъ, что мнѣ пришлось быть въ нѣкоторомъ родѣ его крестнымъ отцомъ. Меня по прежнему поразили сцены между Митей и Вѣрочкой *) въ зимнемъ саду и т. д., и я, когда увижу Васъ, доставлю себѣ удовольствіе поцаловать руку, которая ихъ написала.

Романъ Вашъ я самъ повезу въ Петербургъ и передамъ Стасюлевичу: я выѣзжаю отсюда черезъ три дня — въ Петербургѣ пробуду 24 часа всего — и надѣюсь прибыть въ Москву къ 6 февр. ст. ст.

Вѣроятно мнѣ придется съѣздить въ деревню, и я, конечно, заверну къ Вамъ. А, можетъ быть, Вы, вмѣстѣ съ Вашей матушкой, удосужитесь съѣздить въ Москву? Впрочемъ мы обо всемъ этомъ спишемся. Я ѣду отсюда черезъ Брюссель. Тамъ живетъ мой старинный пріятель, П. В. Анненковъ, издатель Пушкина, человѣкъ, одаренный замѣчательно вѣрнымъ критическимъ взглядомъ. Я ему, бывало, подвергалъ всѣ мои произведенія до ихъ напечатанія.

---

*) Въ романѣ Стечькиной пѣтъ дѣйствующаго лица по имени „Вѣрочка“; Тургеневъ написалъ его здѣсь, конечно, по ошибкѣ вмѣсто „Варенька“.

М. П.

Я ему прочту и Ваше: посмотримъ, что онъ скажетъ. Я Вамъ передамъ его замѣчанія, которыми, если придется, можно будетъ воспользоваться.

И такъ, до свиданія. Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Проѣзжая черезъ С.-Петербургъ, я устрою съ Стасюлевичемъ на счетъ *мая* или *сентября*, цѣны за листъ, 12 отдѣльныхъ оттисковъ и т. д. и подробно Васъ обо всемъ извѣщу.

Извините, что взялъ листъ бумаги навыворотъ *).

XVI.

С.-Петербургъ.
Европейская гостиница.
Вторникъ, 13 февр. 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Я сегодня вечеромъ выѣзжаю въ Москву — и остановлюсь тамъ у моего пріятеля И. И. Маслова, управляющаго удѣльной конторой, на Пречистенскомъ бульварѣ.— Весьма можетъ легко статься, что мнѣ придется съѣздить въ Тулу (по дѣламъ **); но такъ какъ мнѣ непремѣнно

*) Настоящее письмо написано на 2-й и 3-й страницахъ обыкновеннаго почтоваго листка бумаги.

**) О наслѣдствѣ послѣ покойнаго брата Н. Тургенева. См. объ этомъ письмо къ Л. Н. Толстому („Первое собраніе писемъ Тургенева", № 276 (отъ 1 марта 1879). Объ этомъ наслѣдствѣ отъ брата Николая И. С. Тургеневъ писалъ подробно Флоберу 21 янв. 1879 года (См. изд. Гальперина-Каминскаго: „Письма Тургенева къ г-жѣ Полинѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ". (Москва, 1900), стр. 201).

М. П.

нужно видѣть Васъ, то было бы хорошо, если бы Вы сами нашли возможнымъ съѣздить въ Москву; а потому разрѣшите мнѣ прислать на Ваше имя телеграмму и будьте готовы пуститься въ небольшое путешествіе; телеграмму эту Вы получите послѣзавтра... Ваша повѣсть пойдетъ въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы". Не помню, писалъ-ли я Вамъ, что я проѣздомъ черезъ Брюссель показывалъ ее Павлу Васильевичу Анненкову.

Она произвела на него самое хорошее впечатлѣніе, и только онъ сдѣлалъ два-три весьма вѣрныхъ замѣчанія, которыя я передамъ Вамъ и воспользоваться которыми (если Вы найдете ихъ справедливыми)—будетъ Вамъ очень легко. Я привезу рукопись съ собою,—черезъ 10, 12 дней я долженъ пріѣхать обратно въ Петербургъ: времени у Васъ, стало быть, слишкомъ довольно. И такъ—до скораго свиданія, любезнѣйшая Любовь Яковлевна,—въ Москвѣ или въ Тулѣ.

Передайте мой дружескій поклонъ Вашей матушкѣ и позвольте крѣпко пожать Вашу руку.

Душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

XVII.

Москва.
Удѣльная контора.
Воскресеніе, 25 февр. 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Вы ровно недѣлю тому назадъ уѣхали отсюда—и вотъ ровно недѣля, какъ я сижу дома съ больной ногой. Я такъ и не избѣгнулъ припадка подагры—и не могу даже съ достовѣрностью сказать, когда онъ прекратится. Это очень непріятно—и очень некстати...

Ваша поправка очень хороша — больше ничего не нужно. Я ее тщательно вписалъ, и она завтра отправляется въ Петербургъ. Самъ я остаюсь здѣсь еще до будущаго понедѣльника,—т. е. еще 8 дней.

Мнѣ очень пріятно было узнать отъ Васъ, что Вы довольны своимъ пребываніемъ въ Москвѣ.—И Вы оставили здѣсь самыя симпатическія воспоминанія. Иванъ Ильичъ *) искренно благодаритъ за память и кланяется Вамъ.

Передайте мой привѣтъ Вашей матушкѣ. Крѣпко и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XVIII.

С. П.бургъ.
Вторникъ, 14 мар. 79.
(Европейская гостинница, № 194).

Милая Любовь Яковлевна!

Спѣшу передать Вамъ наши окончательныя условія съ Стасюлевичемъ:

1) Повѣсть Ваша печатается въ сентябрѣ или октябрѣ—*зразъ* въ одной книжкѣ. Такъ какъ въ майской все мѣсто уже переполнено—романомъ Полонскаго и др.

2) Цѣна за листъ 100 рублей.

3) Стасюлевичъ приказалъ очень просить Васъ, чтобы Вы не подписались своей настоящей фамиліей,—а выбрали бы какой-нибудь псевдонимъ—и даже обратился ко мнѣ съ предложеніемъ быть Вашимъ крестнымъ отцомъ.

*) Масловъ, пріятель Тургенева.

М. П.

Ст(асюлевичъ) боится, что при появленіи Вашего имени, всѣ старыя дрязги зашевелятся — и „маленькая“ пресса залаетъ — тѣмъ болѣе, что само содержаніе Вашего романа дастъ ей поводъ къ такимъ упражненіямъ. Въ случаѣ, если бы согласились на это, то, конечно, я почелъ бы за честь найти Вамъ имя — или попытаться найти; а, можетъ быть, у Васъ оно уже есть на этотъ случай?

4) Ст(асюлевичъ) также предполагаетъ вмѣсто заглавія — „В(аренька) У(льмина)“ — заглавіе — „Митя“, какъ болѣе, по его мнѣнію, подходящее — и для читателя яко-бы болѣе вкусное. — Но это, конечно, зависитъ совершенно отъ Васъ.

5) Наконецъ Ст(асюлевичъ) выговорилъ себѣ право сдѣлать *весьма незначительныя* сокращенія между Вашими „гостями“.

Будьте такъ добры — и на всѣ эти пункты отвѣтьте и ему, и мнѣ, по моему парижскому адрессу, такъ какъ я отсюда уѣзжаю въ воскресеніе. Посылаю Вамъ фотографію — едва-ли вполнѣ удовлетворительную.

Я на дняхъ обѣдалъ съ Вашимъ братомъ en tête à tête. Онъ очень милый и симпатичный человѣкъ. Я говорилъ съ нимъ о предположеніяхъ Стасюлевича.

Чтенія, овація и т. д. — продолжаются и здѣсь, какъ въ Москвѣ; но, между нами, какъ я имъ ни радъ, а вздохну свободно, когда они кончатся, и я снова попаду въ свое тихое гнѣздышко. Кланяюсь Вашей матушкѣ, крѣпко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Въ Парижѣ я буду ожидать присылки какой-нибудь *новой* вещи.

XIX.

С.-Петербургъ.
Европейская гостинница, № 194.
Вторникъ, 20 марта 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Посылая Вамъ въ самый моментъ моего отъѣзда мою фотографическую карточку, спѣшу извѣстить Васъ, что Ваше письмо получилъ и передалъ его содержаніе Стасюлевичу; подробный отвѣтъ Вы получите, какъ только я пріѣду въ Парижъ. Пока желаю Вамъ отъ души всего хорошаго, жму крѣпко Вашу руку и прошу поклониться всѣмъ Вашимъ.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. На второмъ листкѣ Вы найдете нѣсколько словъ, которыя вы можете приклеить къ карточкѣ *).

XX.

50, rue de Douai, Paris.
Середа, $\frac{9\text{ апр.}}{28\text{ марта}}$ 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, третьяго дня я получилъ здѣсь Ваши оба письма—и тотъ часъ же отправилъ письмо къ Стасюлевичу по адрессу, прибавивъ отъ себя нѣсколько строкъ. Вы можете быть покойны: имя Ваше останется, заглавіе мы пріищемъ,—а что касается до незначительныхъ сокращеній, то такъ какъ Ст(асюлевичъ) обѣщается присылать мнѣ сюда корректуру (какъ то было сдѣлано для

*) Письмо, очевидно, было писано на сложенномъ вдвое полулистѣ обыкновенной почтовой бумаги; второй половинки письма, на которой должна быть сдѣлана надпись для карточки,—нѣтъ: она оторвана.
М. П.

„Нови“)—то уже мое дѣло не допустить никакихъ искаженій. Бросьте всѣ эти „преоккупаціи“ изъ головы и принимайтесь бодро за новую работу.

Мнѣ очень досадно, что всѣ мои фотографіи не удаются; но видно я чѣмъ нибудь прогнѣвилъ солнце—и оно мнѣ мститъ.

Я по-немногу прихожу въ себя послѣ всѣхъ испытанныхъ ощущеній и усталостей; но, къ сожалѣнію, подагра опять грозитъ мнѣ... Впрочемъ, это не помѣшаетъ мнѣ работать надъ изготовленіемъ новаго изданія.

Я очень полюбилъ Вашего брата: онъ милый и хорошій человѣкъ. Поклонитесь ему отъ меня, а также и Вашей матушкѣ—и примите дружеское рукопожатіе отъ

душевно Вамъ преданнаго

Ив. Тургенева.

XXI.

50, rue de Douai, Paris.

Пятница, $\frac{2\text{ мая.}}{21\text{ апр.}}$ 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Получилъ я Ваше большое письмо съ приложенными двумя копіями.—Прежде всего благодарю Васъ за оказанное довѣріе; и постараюсь заслужить его тѣмъ, что дамъ Вамъ прямой и откровенный совѣтъ. Ваше письмо къ М. М. С(тасюлевичу) очень справедливо и логично; mais ce n'est pas opportun: а вѣдь это главное. Ст(асюлевичъ) вовсе не такой человѣкъ, съ которымъ слѣдовало бы объясняться *до конца;* (да это вообще дѣло щекотливое). Ваши отношенія съ нимъ должны носить характеръ практичности.

—А потому мой совѣтъ: напишите ему коротенькое письмо, въ которомъ Вы соглашаетесь на поименованіе однѣхъ начальныхъ буквъ вмѣсто полной фамиліи; что же касается до поправокъ, сошлитесь на меня. Не выставлять фамиліи я, по здравомъ размышленіи, полагаю нужнымъ, конечно, не изъ трусости, Васъ недостойной, а просто для того *), что при данномъ содержаніи повѣсти читатель могъ бы остаться совершенно—„unbefangen“, какъ говорятъ нѣмцы;—разъ утвердившись на литературномъ поприщѣ—Вы будете вольны поступать по благоусмотрѣнію. Эдакъ Вы и передъ собой не слукавите и никого не потревожите.—Надѣюсь, что вы такъ и сдѣлаете. Я отъ Вашего брата получилъ очень хорошее и умное письмо, на которое непремѣнно отвѣчу.—Я чувствую къ нему искреннюю симпатію.

Я радъ, что Вы хотя отчасти остались довольны моей фотографіей. Пріятно мнѣ знать, что Вы работаете. Не отвыкайте отъ пера; а тамъ дѣло выяснится.

О себѣ скажу Вамъ, что я, пока, здоровъ; но душевное настроеніе плохо—и Вы, вѣроятно, поймете почему **).—Впрочемъ въ мои годы поневолѣ приходится жить со дня на день.

Кланяюсь Вашей матушкѣ и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) Эти два слова написаны вмѣсто зачеркнутаго „потому“.

**) Приблизительно въ это же время (5 апр. 1879 г.) Тургеневъ о своемъ плохомъ и тягостномъ настроеніи писалъ и Я. П. Полонскому, которому объясняетъ, что такимъ образомъ на него подѣйствовало извѣстіе о покушеніи на жизнь Императора Александра II (2 апр. 1879 г.). См. „Первое собраніе писемъ Тургенева“ (Спб. 1884), № 279.

М. П.

XXII.

(Seine et Oise)
Bougival.
Les Frênes. Chalet.
Суббота, $^{15}/_{2}$ іюня 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, я виноватъ передъ Вами (не въ намѣреніи, ибо безпрестанно собирался писать Вамъ, но въ исполненіи, ибо такъ-таки и не написалъ); но все это время мнѣ было не по себѣ... хотя на здоровье пожаловаться не могъ.

Виноватъ, да и только. Завтра я на недѣлю уѣзжаю въ Англію — и не хочу оставить Ваше второе письмо безъ отвѣта — хотя короткаго. Ѣду же я въ Англію,— ибо совершенно неожиданно получилъ извѣстіе, что оксфордскій университетъ производитъ меня, за мои „литературныя заслуги“ — въ *доктора естественнаго права!* Честь великая — едва ли я не первый русскій, ее заслужившій,— но какъ, почему! Я до сихъ поръ понять не могу! То-то, я воображаю, на меня прогнѣваются иные господа въ любезномъ отечествѣ!

Душевно сожалѣю о Вашихъ невзгодахъ; надѣюсь, что болѣзнь Вашей матушки прошла теперь совершенно. Поклонитесь ей отъ меня,— а также Вашему брату, которому я также до сихъ поръ не собрался написать... Мнѣ все кажется, что литература — его настоящее призваніе,— и напрасно онъ толкается въ другія двери.— Ну а Вы? Неужели тоже бездѣйствуете? Надѣюсь, что нѣтъ.

Мнѣ очень хочется посмотрѣть, какъ Вы напишете Вашу вторую вещь. Вы еще не узнали положительно отъ Стасюлевича, когда явится первая?

Въ Россію я нынѣшнимъ лѣтомъ не пріѣду... Но на зиму буду, если что нибудь необыкновенное не помѣшаетъ и непремѣнно Васъ увижу. А пока, желаю Вамъ всего хорошаго, крѣпко жму Ваши обѣ руки и остаюсь навсегда

душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

XXIII.

Bougival.
Les Frênes. Chalet.
(Seine et Oise)
Пятница, $^{17}/_{5}$ окт. 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, вчера получена мною и вчера же отправлена обратно въ Петербургъ корректура первыхъ листовъ Вашей повѣсти, которая появится въ ноябрѣ *).

Стасюлевичъ окончательно выбралъ заглавіе: „Варенька Ульмина“, а: Жаль! —отвергъ. Можетъ быть, онъ и правъ. Я ему написалъ о Вашемъ желаніи имѣть десять оттисковъ (конечно, даромъ). —И такъ — ладья спускается на воду: авось поплыветъ она легко и далеко. Во всякомъ случаѣ—*попутный вѣтеръ шолъ не отъ редакціи.*— И это не бѣда. Я получилъ отъ И. И. Маслова письмо, изъ котораго долженъ заключить, что попытка съ Вашимъ

*) Повѣсть Л. Я. Стечькиной была напечатана подъ заглавіемъ „Варенька Ульмина“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1879 г. въ №№ 11 и 12. Подъ заглавіемъ отмѣчено: „Посвящается Ивану Сергѣевичу Тургеневу“; эпиграфа (ср. выше письмо XIII) нѣтъ. 3 окт. 1879 г. И. С. Тургеневъ писалъ Я. Полонскому изъ Буживаля: „Романъ Стечькиной печатается въ ноябрской книжкѣ „В. Е.“ („Первое собр. писемъ Тургенева“, № 283). М. П.

братомъ пока не увѣнчалась успѣхомъ: надо имѣть терпѣніе... и, до полученія мѣста, заниматься литературной работой *).—Скажите это ему отъ меня.

А что же *Вашъ* обѣщанный разсказъ?

Я все жду его.

Надѣюсь, что и дѣла Ваши, и Ваше здоровье (говорю не о Васъ однѣхъ) пришли въ нѣкоторое равновѣсіе.—Что касается до меня, то я ни на что пожаловаться не могу—и въ началѣ Декабря прибуду въ Петербургъ, а тамъ проберусь и въ Москву, а, быть можетъ, далѣе.

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и дружески крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXIV.

Буживаль.
Les Frênes. (Seine et Oise).

Середа, $^{26}/_{14}$ ноябр. 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Я уже успѣлъ получить не только тотъ № „Вѣстника Европы“, въ которомъ помѣщена первая часть Вашей повѣсти, но и „Молву“ и „Новое Время“, въ которыхъ

*) Упоминаемый здѣсь и выше (нѣсколько разъ) — братъ Л. Я. Стечькиной—Н. Я. Стечькинъ былъ впослѣдствіи завѣдывающимъ редакціей „Новороссійскаго Телеграфа“ (въ Одессѣ, при ред.-изд. М. П. Озмидовѣ), а позже редакт.-изд. газеты „Народъ“.— Конечно, его имѣлъ въ виду И. С. Тургеневъ, когда писалъ И. И. Маслову 5 октября 1879 г. „Жаль мнѣ, что ты ничего не могъ сдѣлать для Н. Я. С. Но, пожалуйста, имѣй его въ виду. Это — очень хорошій и умный малый.“ („Первое собраніе писемъ Тургенева“, стр. 348, письмо № 284.).—Н. Я Стечькину принадлежитъ статья:—„И. С. Тургеневъ и „Московскія Вѣдомости“ (Москва 1880). М. П.

Васъ бранятъ, какъ оно и слѣдовало ожидать. Это Васъ, вѣроятно не смутило и не удивило, а я Васъ поздравляю со вступленіемъ на литературное поприще. Лиха бѣда, какъ говорится, начать.—Собственное же мое впечатлѣніе, при чтеніи корректурныхъ листовъ, не только не измѣнилось, но утвердилось напротивъ.

А видно мнѣ такъ и не дождаться Вашего обѣщаннаго разсказа.—Я пока еще въ деревнѣ, но выѣзжаю отсюда въ Парижъ (Rue de Douai, 50) черезъ три дня; изъ Парижа же выѣзжаю въ Россію около $^{20}/_{8}$ Декабря—недѣли черезъ четыре. Придется послать Вамъ Вашъ разсказъ на мое имя, въ контору „Вѣстника Европы“.—Но Вы были бы очень любезны, если бы еще въ Парижѣ извѣстили меня о Вашемъ житьѣ—бытьѣ, о Вашихъ замыслахъ, пристроился ли наконецъ Вашъ братъ и т. д. Вы, я надѣюсь, не сомнѣваетесь въ томъ, что все это меня очень интересуетъ.

Я увѣренъ, что во время моего пребыванія въ Россіи увижусь съ Вами, хотя гдѣ именно? Сказать еще навѣрное нельзя. А пока прошу передать мой усердный привѣтъ Вашей матушкѣ—и принять отъ меня увѣреніе въ неизмѣнныхъ чувствахъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXV.

50, rue de Douai, Paris.
Воскресеніе, 7 дек. 79.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, посылаю Вамъ вырѣзокъ изъ газеты „Temps“, гдѣ говорится о Вашей повѣсти. Не знаю имени того корреспондента, который обра-

тилъ вниманіе на Ваше произведеніе, но полагаю, что появленіе этой статейки будетъ Вамъ пріятно, какъ доказательство успѣха Вашей „Вареньки“.

Отъѣздъ мой отсюда отложенъ недѣли на двѣ: раньше конца Декабря я не выѣду.

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Вы увидите, что какой-то рецензентъ открылъ въ Вашей повѣсти слѣды вліянія—Зола!! Вотъ прозорливецъ!

XXVI.

С. П.-бургъ.
На углу Малой Морской
и Невскаго, д. 11, кв. 20.
Пятница, 15 февр. 80.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Я вчера послалъ Вамъ телеграмму, а сегодня пишу, чтобы благодарить Васъ за высказанное ко мнѣ участіе. Я дѣйствительно занемогъ тотчасъ послѣ пріѣзда сюда, двѣ недѣли не выходилъ изъ комнаты, но теперь все опять пришло въ порядокъ.—Я безъ того собирался къ Вамъ писать, ибо въ долгу у Васъ за два письма.—Мнѣ очень жаль, что разныя неблагопріятныя обстоятельства помѣшали Вамъ окончить задуманный Вами разсказъ; въ случаѣ же если бы Вы съ нимъ справились, то не пришлете-ли Вы его сюда—такъ какъ я въ Петербургѣ остаюсь до 20 марта. Конецъ марта я проведу въ Москвѣ. Здѣсь я видалъ немногихъ, а Стасюлевича всего два раза, такъ

какъ онъ самъ расхворался и не выходитъ изъ комнаты. По здѣшнимъ отзывамъ я вижу, что первая часть „Вареньки Ульминой“ понравилась, а вторая нѣтъ; въ этомъ, быть можетъ, виноватъ я,—такъ какъ я присовѣтовалъ Вамъ передѣлать именно эту часть... Задача, конечно, была трудная; но чего я постигнуть не могу—это то, что Васъ упрекаютъ въ подражаніи—Зола!! Во всякомъ случаѣ, *это* дѣло сдѣлано, и надо, не унывая, приниматься за другое.

Очень былъ бы радъ увидѣться съ Вами—да и увижусь, если не въ Москвѣ, то въ Тулѣ, гдѣ я остановлюсь на пути въ свою деревню. До тѣхъ поръ желаю Вамъ всего хорошаго, прошу поклониться всѣмъ Вашимъ и крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXVII.

С.-Петербургъ.
На углу Малой Морской и
Невскаго, д. 11, кв. 20.
Вторникъ, 25 марта 1880.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Пять дней тому назадъ отправилъ къ Вамъ пакетъ съ Вашими фотографическими (весьма, по общему мнѣнію, удачными) карточками. Надѣюсь, что онъ прибылъ благополучно.

Я приложилъ къ нимъ двѣ своихъ,—но, потерявъ Вашъ визитный билетъ, на которомъ Вы написали *отчество* Вашей матушки, не могъ сдѣлать никакой приписки. Прошу ее извинить меня—и вѣрить, что отъ этого

мое желаніе сдѣлать ей пріятное не уменьшилось. Передайте ей и Вашему брату мой дружескій поклонъ. Здѣсь о Васъ всѣ вспоминаютъ и надѣются, что Ваше пребываніе въ Петербургѣ оставило въ Васъ хорошее впечатлѣніе. *)

Дайте мнѣ вѣсточку о себѣ. Принялись ли Вы за работу — или только собираетесь! Что у Васъ еще зима, какъ здѣсь?

Мое здоровье удовлетворительно; я выѣзжаю отсюда черезъ недѣлю и остановлюсь въ Москвѣ, разумѣется, у И. И. Маслова, гдѣ пробуду дней десять.

Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) Въ промежуткѣ между 15 февраля и 25 марта 1880 года Л. Я. Стечькина была въ Петербургѣ, гдѣ, конечно, видѣлась съ Тургеневымъ и познакомилась съ Ж. А. Полонской и Я. П. Полонскимъ. Это между прочимъ видно изъ хранящагося въ Одесской Публичной Библіотекѣ письма Ж. А. Полонской къ Л. Я. Стечькиной отъ 18 апрѣля 1880 г.; въ этомъ письмѣ Ж. А. Полонская между прочимъ говоритъ: „Тургеневъ, кажется, сегодня (въ четвергъ) навѣрное уѣзжаетъ въ Москву, а то, какъ ни соберется ѣхать, кто-нибудь возьметъ, да и пригласитъ его то къ обѣду, то на вечеръ; онъ и остается. Такъ проходила недѣля за недѣлей, и онъ кутилъ не по своей доброй волѣ“. Это письмо Ж. А. Полонской имѣетъ приписку Я. П. Полонскаго, который, сообщая Л. Я. Стечькиной о своей работѣ надъ романомъ „Крутыя Горки“, замѣчаетъ: „Въ іюнѣ, можетъ быть, Вы увидите Тургенева“, который дѣйствительно, въ іюнѣ 1880 г. былъ въ Россіи на открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ (6 іюня). Не лишнимъ представляется указать здѣсь замѣчаніе Тургенева въ письмѣ къ Е. Я. Колбасину отъ 11 іюня 1880 года изъ Буживаля: „Я теперь остаюсь безвыѣздно до ноября, а зимой, вѣроятно, опять соберусь въ Россію.“ (См. „Первое собраніе писемъ Тургенева“, стр. 360). Несомнѣнно, что это письмо къ Колбасину относится *не ко 11 іюня.*

М. П.

XXVIII.

С.-Петербургъ.
(Редакція Вѣстника Европы).
Суббота, 21 іюня 1880.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Я получилъ только здѣсь Ваше письмо съ извѣщеніемъ о постигшемъ Вашу деревню несчастіи.—Я пріѣхалъ сюда третьяго дня и долженъ былъ сегодня выѣхать, но со мной произошелъ довольно сильный припадокъ подагры въ колѣнѣ,—и я по неволѣ долженъ пробыть здѣсь еще дней 5. *) Съ великимъ удовольствіемъ готовъ содѣйствовать Вашей лотереѣ—и пошлю Вамъ и фотографію мою, и автографъ, а именно—переписанныя мною для чтенія на пушкинскомъ праздникѣ два стихотворенія Пушкина: „Опять на родинѣ“ и „Зима“. Душевно желаю, чтобы Ваше благое предпріятіе удалось Вамъ.

Я самъ возьму 1 билетъ на Вашу лотерею, за который прошу принять 10 рублей. Ихъ Вамъ пошлетъ Топоровъ, **) а Вы ему пришлите билетъ.

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) 30 іюня 1880 года, Тургеневъ писалъ изъ Буживаля Я. П. Полонскому: „Третьяго дня я пріѣхалъ сюда, нога выздоровѣла“... („Первое собр. писемъ Тургенева“, стр. 360).

**) Александръ Васильевичъ Топоровъ—одинъ изъ ближайшихъ друзей Тургенева, который давалъ ему очень часто различныя порученія.

М. П.

XXIX.

50, rue de Douai, Paris.
Вторникъ, $^{20}/_{17}$ марта 81.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Что Вы подѣлываете хорошаго? Мѣсяца два тому назадъ я Вамъ писалъ, но, вѣроятно, мое письмо до Васъ не дошло, такъ какъ я позволяю себѣ думать, что Вы навѣрное бы мнѣ отвѣтили. Въ послѣдній разъ, когда мы видѣлись,— Вы говорили мнѣ о большой литературной работѣ, которой Вы собирались заняться; надѣюсь, что Вы не покинули своего намѣренія — и, сдѣлавъ первый шагъ, не остановитесь. Несмотря на нѣкоторые недостатки Вашей „Вареньки“,— Вы показали въ ней столько таланта, что было бы грѣшно скрестить теперь руки.— Правда, Вы упоминали также о домашнихъ затрудненіяхъ и непріятностяхъ, которыя могли помѣшать Вашей работѣ; но рѣдкая жизнь безъ нихъ обходится — и ждать совершенной душевной тишины для художнической дѣятельности — немыслимо. А потому жду отъ Васъ скораго — и хорошаго извѣщенія.

Скорое оно должно быть уже потому, что я дней черезъ 12 — выѣзжаю отсюда въ Петербургъ. Меня задержала здѣсь снерва болѣзнь (подагра), а потомъ свадьба младшей дочери г-жи Віардо, которая состоится черезъ недѣлю. Въ Петербургѣ я пробуду около мѣсяца, а затѣмъ отправлюсь прямо въ деревню, гдѣ останусь до Августа.

Вы будете извѣщены о моемъ проѣздѣ черезъ Тулу,— и мы непремѣнно увидимся. А пока, прошу передать Вашей матушкѣ и всѣмъ Вашимъ мой искренній привѣтъ — и принять увѣреніе въ дружескихъ чувствахъ.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

XXX.

С.-П.-бургъ.
Невскій пр. 11. Середа, 13 мая 81.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, пишу Вамъ сегодня всего два слова, чтобы предувѣдомить Васъ, что я пріѣхалъ сюда 10 дней тому назадъ, почти немедленно заболѣлъ подагрой, до сихъ поръ не могу выйти изъ комнаты, однако надѣюсь выѣхать черезъ недѣлю отсюда прямо къ себѣ въ деревню, но проѣздомъ черезъ Тулу непремѣнно увижу Васъ и извѣщу Васъ о днѣ моего прибытія изъ Москвы. Ваши два письма я получилъ.—Кланяюсь Вашимъ, дружески жму Вамъ руку и остаюсь

преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Въ деревнѣ я остаюсь мѣсяца 2, 3.

XXXI.

50, rue de Douai, Paris.
Четвергъ, $^{22}/_{10}$ дек. 81.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, сегодня получилъ я Ваше письмо изъ Москвы и теперь отвѣчаю на Ваши вопросные пункты.

1) Хоть вторые классы за границей не такъ хороши какъ наши,—но путешествовать въ нихъ можно даже больному; противъ холода ставятъ ящики съ горячей водой и пр.

2) Квартирку со столомъ въ Парижѣ за 15 фр. въ день можно найти весьма порядочную.

3) Цѣны въ южной Франціи въ *модныхъ* мѣстахъ, каковы Ницца, Каннъ, Монако и т. д.—высокія, но напр.:—въ Монпелліэ, въ Пô и другихъ мѣстахъ—умѣ-

ренныя. Италіанскія цѣны мнѣ неизвѣстны; швейцарскія ниже всѣхъ зимой; но тамъ холодно.

4) Квартиру здѣсь Вамъ сыщутъ и на желѣзную дорогу выѣдутъ, если Вы аккуратно дадите знать о днѣ и часѣ прибытія, хоть на мое имя 50, rue de Douai.

NB. *Съ путешествіемъ и пр. и пр.* надо разсчитывать 25 франковъ въ день. Въ это могутъ входить *всѣ* расходы. Больной долженъ заранѣе пріучить мысль къ очень значительной, особенной, заграничной *скукѣ*— и какъ можно крѣпче сдерживать свои нервы.

Вотъ пока, что я могу Вамъ сказать. Буду ждать дальнѣйшаго отзыва. Пока поклонитесь всѣмъ Вашимъ, начиная съ матушки; крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

XXXII.

50, rue de Douai, Paris.
$^{2}/_{14}$ февр. 82.

Любезная Любовь Яковлевна!

Очень радуюсь поправленію Вашего здоровья. Вещи будутъ отправлены по адрессу. Посылаю Вамъ отдѣльный экземпляръ „Отчаяннаго“.— А что ваша работа? На Ваше имя я послѣ Вашего отъѣзда получилъ три письма, которыя немедленно къ Вамъ отправилъ по адрессу: Hôtel Beau Séjour. *)

Крѣпко жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

*) Письма, помѣщенныя здѣсь подъ №№ 32—41, адресованы такъ: Mademoiselle L. Stetchkine, Menton, Hôtel Beau Séjour (Alpes Maritimes). М. П.

XXXIII.

50, rue de Douai, Paris.
Пятница, 3 февр. 82.

Любезная Любовь Яковлевна, я очень радъ, что Вы благополучно достигли цѣли Вашего путешествія. Надѣюсь, что воздухъ Ментона Васъ окончательно возстановитъ.

Посылаю Вамъ пришедшее на Ваше имя письмо, а также и шаль. Но я никакъ не могъ найти точнаго адреса г-жи Мюра и потому прошу Васъ прислать мнѣ его немедленно—тогда и оставленныя вещи будутъ ей доставлены.

Со мной приключился первоклассный гриппъ; вотъ третій день какъ сижу дома съ распухшимъ носомъ,—а завтра долженъ читать на нашей нелѣпой *soirée musico-littéraire*. *)

Жму Вамъ дружески руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Какъ только буду въ состояніи выѣхать, пошлю Вамъ Ваши 40 фр.

XXXIV.

50, rue de Douai, Paris.
$^{20}/_{3}$ марта 82.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, что же это Вы замолкли? Здоровы-ли Вы? И какъ идетъ Ваша работа?

---

*) Тургеневъ очень часто устраивалъ музыкально-литературные утра и вечера въ пользу различныхъ обществъ (чаще всего въ пользу недостаточныхъ русскихъ студентовъ въ Парижѣ). О хлопотахъ Тургенева по устройству одного изъ такихъ вечеровъ—см. „Неизданныя письма къ Віардо и его франц. друзьямъ (1846—1882)“ изд. Гальперина-Каминскаго, М. 1900 (стр. 283). М. П.

Дайте, пожалуйста, о себѣ вѣсточку, а то, я начну безпокоиться. Я недавно получилъ отъ Вашей матушки очень милое письмо. У меня было все это время и много хлопотъ, и непріятностей, но здоровье ничего. *) Выѣзжаю отсюда черезъ мѣсяцъ. Непремѣнно напишите хоть словечко.

Крѣпко жму Вамъ руку.

Искренно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

XXXV.

50, rue de Douai, Paris.
Пятница, 31 марта 82.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Что же Вы не даете о себѣ вѣсточки? Ни о своемъ здоровьѣ, ни о предпринятой работѣ? Я вчера еще получилъ письмо отъ Вашей матушки, которая очень безпокоится о томъ, какъ Вамъ выслать въ Ментонъ 500 р., такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ она замѣчаетъ задержки и неисправности въ почтѣ. Я ей немедленно отвѣтилъ, что самое простое и вѣрное средство прислать эти деньги сюда на мое имя,—а я Вамъ ихъ немедленно доставлю. Сверхъ того, если бы Вамъ теперь же нужны 500 фр., то дайте мнѣ знать: я Вамъ ихъ вышлю сейчасъ, а потомъ вычту изъ тѣхъ денегъ, которыя получу отъ Вашей матушки. Я остаюсь здѣсь еще ровно мѣсяцъ.

*) Въ письмѣ къ К. А. Полонской отъ 22 февр. 1882 г. Тургеневъ подробно говоритъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя онъ перенесъ за это время (болѣзнь г-на Віардо, раздоры въ семьѣ дочери Тургенева и проч. См. „Первое собр. писемъ Тургенева“, № 346). М. П.

Надѣюсь, что Ваше здоровье удовлетворительно, и что климатъ Ментона благодѣтельно на Васъ дѣйствуетъ. Представьте: я опять потерялъ адресъ дамы, живущей *Boulevard Malesherbes,* и Ваши ботинки и шляпа все еще у меня. Пожалуйста потрудитесь мнѣ это опять написать.

Крѣпко жму Вашу руку и остаюсь

искренно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

XXXVI.

50, rue de Douai, Paris.
10 апр. 82.

Милая Любовь Яковлевна, во первыхъ поздравляю Васъ съ праздникомъ, а во вторыхъ пишу Вамъ письмо для обстоятельности—по пунктамъ:

1) Удивляюсь, что письмо Ваше отъ 5-го получилъ только сегодня! (Прошлое Ваше письмо не получилъ!)

2) Деньги—*400 фр.* вышлю Вамъ завтра.

3) Радуюсь, что здоровье Ваше поправляется, но совѣтую не переѣзжать изъ Ментона до полученія мною отъ Вашей матушки денегъ изъ Россіи, которыя не могутъ замедлиться и которыя немедленно перешлю.

4) Также *до* выѣзда постарайтесь кончить и прислать мнѣ сюда Вашу работу.

5) Всѣ свѣдѣнія о экзаменахъ и т. п. въ Сорбонну соберу и потомъ напишу.

6) Адресъ г-жи на Boulevard Malesherbes все еще не имѣю и шляпка съ ботинками все еще у меня.

7) Выѣзжаю я отсюда 5 мая.

Крѣпко жму Вашу руку и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXXVII.

Парижъ, 50, rue de Douai.
Понедѣльникъ, $^{16}/_{4}$ апр. 82.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, Вы, вѣроятно, недоумѣваете, не получивъ отъ меня обѣщаннаго письма. Вотъ въ чемъ дѣло: непредвидѣннымъ денежнымъ обстоятельствомъ вышло такъ, что у меня въ эту минуту нѣтъ ни копейки! Жду каждый день присылки 5000 фр. изъ Россіи — я уже телеграфировалъ — и какъ только получу, отправлю къ Вамъ немедленно 400 фр.*) Не могъ я также исполнить Вашего порученія на счетъ Сорбонны и т. д., ибо вотъ уже недѣля, какъ я занемогъ довольно сильно и не выхожу. Но все это скоро исправится — и все будетъ исполнено. А теперь прошу только извинить меня и имѣть немного терпѣнія. (NB. — Вы мнѣ все еще не прислали адресса дамы на Boulevard Malesherbes). А что Ваша работа?

До завтра, — вѣроятно. А пока дружески жму Вамъ руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXXVIII.

Парижъ, 50, rue de Douai.
19 апр. 82.

Любезная Любовь Яковлевна!

Посылаю Вамъ при семъ 400 фр. Увѣдомьте о полученіи. Я совсѣмъ разнемогся — у меня сдѣлалась angine de

*) О своихъ денежныхъ затрудненіяхъ, а также о высылкѣ 5000 фр. (отъ С. М. Третьякова за проданную изъ своего собранія картину) Тургеневъ говоритъ въ письмахъ къ Д. В. Григоровичу отъ 29 марта 1882 и 1 апрѣля 1882 г. (См. „Первое собраніе писемъ“, №№ 352, 353).
М. П.

poitrine *) — и я не имѣю понятія о томъ, когда я выѣду. Свѣдѣнія объ экзаменѣ въ Сорбонну доставлю Вамъ скоро.

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Вашъ Ив. Тургеневъ.

XXXIX.

Paris, 50, rue de Douai.
2/v 82.

Любезная Любовь Яковлевна, лежа въ постели писать трудно, а потому я заимствую другую руку.

Посылаю Вамъ желаемыя Вами Programmes des examens de la licence. Экзамены открываются 1 іюля и 1 ноября, но чтобы быть къ нимъ допущенною надо быть bachelier ès sciences или представить русскіе документы, которые были бы признаны равносильными ему. Попросите Вашу пріятельницу доставить мнѣ свѣдѣнія объ имѣющихся у ней документахъ.

За симъ желаю Вамъ хорошаго здоровья и, въ ожиданіи обѣщанной Вами работы, прошу принять увѣреніе въ совершенной моей преданности.

Иванъ Тургеневъ. **)

P. S. Здоровье мое въ statu quo: довольно скверно.

*) Отъ этой болѣзни Тургеневъ уже не оправился, и она свела его въ могилу. Въ письмѣ къ Я. П. Полонскому отъ 21 апрѣля 1882 г. Тургеневъ подробно объясняетъ сущность этой болѣзни, а также говоритъ о своихъ страданіяхъ. О томъ же онъ говоритъ и въ другихъ своихъ письмахъ, начиная съ этого времени. („Первое собр. писемъ Тургенева“, №№ 357 и дальше).

**) Только подпись и P. S. сдѣланы рукой Тургенева.

М. П.

XL.

Парижъ, 50, rue de Douai.
11 мая 82.

Любезная Любовь Яковлевна, прилагаю Вамъ при семъ желаемые Вами 400 фр.—Письмо къ Мещерскому не счелъ нужнымъ послать. Желаю Вамъ бодрости и здоровья; самъ же я едва ли скоро поправлюсь. Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Извѣстите о полученіи письма.

XLI.

Парижъ, 50, rue de Douai.
22 мая. 82.

Болѣзнь моя такъ отшибла у меня память, любезная Любовь Яковлевна, что я не знаю, дѣйствительно-ли я написалъ или только собирался написать, чтобы Вы немедленно дали знать, куда Вамъ выслать деньги Вашей матушки, такъ какъ Вы, по увѣренію Мещерскаго, въ Ментонѣ остаться не можете.—Я получилъ на дняхъ чекъ въ 1260 фр. — и такъ какъ Вы мнѣ должны 800 фр., то остается за мной 460 фр. Пожалуйста, извѣстите меня тотъ часъ, если можно телеграммой. Также матушка Ваша проситъ меня убѣдительно настоять на томъ, чтобы Вы какъ можно осторожнѣе писали въ Россію, такъ какъ всѣ Ваши письма приходятъ раскрытыми, а многія пропали; сверхъ того, ящикъ съ цвѣтами, посланный Вами, пришелъ 3 недѣли спустя—весь въ дребезгахъ, перевязанный толстой веревкой и съ совершенно сгнившими цвѣтами. Матушка Ваша рекомендуетъ Вамъ величайшую осторожность,

такъ какъ она сама объ этомъ писать не можетъ. А что же Ваше здоровье? И работа? Что касается до меня,—то положеніе мое, хотя нѣсколько измѣнилось къ лучшему, но въ сущности—одно и то же. Я еще не всталъ съ постели—и ходить какъ другіе, подниматься на лѣстницу—никогда не буду въ состояніи. Моя пѣсенка спѣта.

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XLII. *)

Парижъ, 50, rue de Douai.
2 іюня 1882.

Милая Любовь Яковлевна, третьяго дня получилъ Ваше письмо и только сегодня отвѣчаю—у меня былъ опять сильный припадокъ подагры,—она прошла, но коренная моя болѣзнь все въ томъ же statu quo—и я еще не знаю, когда будетъ возможно перевезти меня въ Буживаль. Я такъ ослабѣлъ головою, что вообразилъ, что выслалъ Вамъ недостающіе 460 фр.,—а я только писалъ о нихъ,—завтра же они отправляются. Я очень радъ, что Ваше здоровье поправилось опять; а Вашей пріятельницѣ скажите, что программу bachelier ès lettres завтра тоже ей вышлю, но надежды мало:—экзаменовать стали очень строго,—и знаніе *обоихъ* древнихъ языковъ требуется непремѣнно. Здѣсь въ Парижѣ существуютъ *сотни* заведеній для приготовленія молодыхъ людей (мужчинъ) въ bachelier; для женщинъ такихъ заведеній нѣтъ; можно приготовиться

*) Письма №№ 42, 43 адресованы: Mademoiselle L. Stetchkine, Italie, Lago di Como, Cadenabbia; poste restante.

частнымъ образомъ, но это, конечно, очень затруднительно — особенно при незнаніи древнихъ языковъ.

Жду Вашей работы.

Извините, что не пишу Вамъ больше — и то трудно.

Адресъ мой все тотъ-же.

Дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XLIII.

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes.
20 іюня 82.

Милая Любовь Яковлевна!

Италіанская почта очевидно насъ дурачитъ: я ничего не получалъ отъ Васъ, а Вы отъ меня, хотя я писалъ Вамъ именно въ Cadenabbia — а не въ Canobbio, какъ я писалъ Вашей матушкѣ, потерявъ Вашъ адрессъ. Но все это неважно. Важно то, что Вы поправляетесь.

Мнѣ очень пріятно будетъ видѣть Васъ здѣсь на Вашемъ возвратномъ пути. Надѣюсь также, что Вы привезете Вашу работу.

Я давно досталъ обѣ программы на экзаменъ du Baccalauréat des lettres — et du B. des sciences; не посылалъ ихъ Вамъ, не получая отъ Васъ извѣстія, не посылаю и теперь, такъ какъ вѣроятно это уже теперь не нужно. То, что Вы мнѣ сказали о Вашей знакомой, заставляетъ меня предполагать, что она во всякомъ случаѣ не могла бы выдержать этотъ экзаменъ.

Мое здоровье все въ томъ же положеніи: ни хуже, ни лучше. Остаюсь здѣсь на неопредѣленное время.

Дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XLIV *).

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes.
Chalet.
Пятница, 18 авг. 82.

Любезная Любовь Яковлевна!

Посылаю Вамъ во 1) 350 фр., во 2) три письма Вашей матушки, которыя были получены здѣсь на Ваше имя. Такъ какъ Вамъ было бы и хлопотно, и дорого ѣхать на Парижъ — и Вы, вѣроятно, прямо отправитесь домой, то было бы не дурно прислать мнѣ сюда Вашу оконченную работу. Я бы разсмотрѣлъ ее внимательно — и послалъ бы къ Вамъ въ деревню съ моими замѣчаніями.

Желаю Вамъ окончательнаго поправленія здоровья и счастливаго пути. Я нахожусь въ томъ же состояніи, хотя замѣтно облегченіе.

Жму Вамъ дружески руку и остаюсь

искренно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

*) Адресовано: Suisse. Le Prese, canton des Grisons.

М. П.

XLV *).

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes.
Воскресенiе, 8 окт. 82.

Любезная Любовь Яковлевна, что это Вы—словно въ воду канули? Я все Васъ поджидалъ вмѣстѣ съ поправкой Вашей повѣсти. Отъ Вашей матушки я получилъ отчаянное письмо, въ которомъ она выражаетъ свою увѣренность, что Васъ уже на свѣтѣ нѣтъ. Я ей тотъ часъ отвѣчалъ, чтобы ее успокоить; полагаю, что и Вы, съ своей стороны, извѣстили ее.

247 фр. Вашему хозяину въ La Prese я выслалъ. Дайте о себѣ вѣсточку и увѣдомьте, когда Вы можете пріѣхать.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XLVI.

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes
15 окт. 82.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна! Призадумался я надъ Вашимъ письмомъ. И жаль мнѣ Васъ,—и помочь Вамъ хочется—только не знаю какъ.

О Вашемъ предложенiи Стасюлевичу и толковать нечего: оно совершенно несбыточно и невозможно. Обѣщанныя мною деньги на возвратный путь, т. е. 300, много 350 фр. я могу дать; больше не въ состоянiи. Вы ихъ получите

*) Письма подъ №№ 45—51 адресованы—Paris (различные отели).

въ середу; на прожитокъ—пока; вѣдь о путешествіи мечтать нечего, при Вашемъ нездоровьи.

Остается только вотъ что: выкинувъ изъ головы другое, „что тамъ вертится“,—приняться за поправку повѣсти. Вы это можете сдѣлать въ одинъ день—много два, такъ какъ поправка собственно состоитъ въ *исключеніи* предисловія и *разсужденій* о „совѣсти“. Въ исправленномъ видѣ повѣсть можетъ быть принята,—и я берусь уговорить Стасюлевича выдать часть денегъ впередъ. Это разъ.—Второе: нельзя Вамъ думать: поѣду въ Ментонъ *или* въ Римъ, *или* въ Неаполь... Надо хорошенько обдумать, посовѣтовавшись съ докторомъ: *гдѣ* Вы можете провести зиму такъ, чтобы климатъ Васъ поправилъ—и *чтобы было какъ можно дешевле*... Въ Южной Франціи такія мѣста существуютъ; за пять фр. въ день можно прожить. Выбравъ такое мѣсто *окончательно*, Вы должны извѣстить Вашу матушку и постараться, если возможно, чтобы она еще ссудила Вамъ 1000 фр. Съ этими деньгами, да съ тѣми, что, я надѣюсь, Вы получите отъ Стасюлевича, Вы доживете до весны,—времени Вашего возвращенія въ Россію.

А потому—во первыхъ—успокойте Вашъ тревожный духъ, пріучите себя къ аккуратности, а во вторыхъ—постарайтесь, какъ можно скорѣе, привести въ порядокъ Вашу повѣсть, рукопись которой будетъ тогда тотъ часъ отправлена мною къ Ст(асюлевич)у.

Жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XLVII.

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes.
Середа, $^{18}/_{6}$ окт. 82.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна! Это письмо, въ которомъ вложено 300 фр.,—вручитъ Вамъ одинъ мой хорошій пріятель, г. Шполянскій.—Если Вы можете принять его, то потолкуйте съ нимъ. Онъ человѣкъ симпатичный и можетъ быть Вамъ полезнымъ.—Извѣстите меня, какъ Ваше здоровье и могли ли Вы приняться за ту работу, о которой я Вамъ говорилъ?

Дружески жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XLVIII.

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes.
Воскресенiе, 29 окт. 82.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Однако Вы мастерица на счетъ молчанія! Стороной я узнаю, что Вы даже выходите... И между тѣмъ — ни гугу! Какія же Ваши намѣренія? И что мнѣ дѣлать съ Вашей новѣстью? Сдѣлали *Вы* что нибудь? Если Вамъ трудно писать пространно, то употребите хоть телеграммный языкъ,—напр.: „Ничего не дѣлаю.—Ничего не знаю. Жду—не знаю чего“.

По крайней мѣрѣ — мнѣ хоть это будетъ извѣстно.

А пока—желаю Вамъ всего хорошаго и дружески жму Вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

XLIX.

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes
Середа, 1-го ноябр. 82.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна!

Переписываю съ дипломатической точностью полученную мною сегодня утромъ телеграмму:

France Bougival
aux frères Tourgueneff

Connais pas nouvelle adresse de ma fille veuillez mettre cent roubles décoré Crédit Lyonnais

Tstsstchtkine.

Что сей сонъ значитъ? Все это наконецъ становится неправдоподобнымъ до фантастичности!—Отвѣтите ли Вы хоть на это письмо?

Право, умъ за разумъ заходитъ. Крѣпко жму Вашу неуловимую руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

L.

Seine et Oise.
Bougivale. Les Frênes.
6-го нояб. 82. Пятница.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна! Вслѣдствіе полученной вчера вечеромъ телеграммы посылаю Вамъ чекъ въ 231 фр. (присланныя Вашей матушкой деньги),—по которому Вы можете получить либо сами, либо черезъ какое угодно другое лицо (отъ 9 ч. до 4 въ конторѣ Гинцбурга —rue S^{t}.-Georges № 1).

Жду Васъ—хотя съ слабой надеждой—въ середу, а пока дружески жму Вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Поклонитесь отъ меня Мещерскимъ.

LI.

Парижъ, 50, rue de Douai.
Воскресенiе, 19 нояб. 82.

Любезная Любовь Яковлевна!

Я вчера возвратился сюда — и очень буду радъ Васъ видѣть во Вторникъ (отъ 12 до 2 часовъ). Къ тому времени я успѣю прочесть присланный Вами конецъ Вашей повѣсти.

Дружески жму Вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

LII *).

Парижъ.
50, rue de Douai.
10 янв. 83.

Любезная Любовь Яковлевна!

Я получилъ отъ Вашей матушки прилагаемое письмо, которое пересылаю Вамъ, благодаря тому, что Мещерскій сообщилъ мнѣ Вашъ адрессъ. Онъ также извѣстилъ меня о томъ, что Ваше здоровье поправляется, чему душевно радуюсь. — Не имѣя никакой претензіи получить отъ Васъ отвѣтъ, позволяю себѣ дружески просить Васъ не оставлять Вашу матушку въ неизвѣстности о Вашей судьбѣ.

Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

*) Письма №№ 52 и 53 сохранились безъ конвертовъ, а потому неизвѣстно, куда они адресованы.

М. П.

LIII *).

Bougival. Les Frênes.
18 juillet 1883.

Chère mademoiselle Stetschkine!

J'ai reçu votre lettre (mais non pas encore les livres que vous m'annoncez) et je vous réponds, comme Vous voyez, en me servant d'une autre main que la mienne. Je suis très content de voir que Vous allez assez bien pour pouvoir retourner en Russie. Je vous remercie de me parler de ce docteur qui vous a fait tant de bien,—mais en même je viens de recevoir votre télégramme auquel je ne comprends absolument rien. En voici la copie: „Sur votre réponse affirmative on me laissera partir ce soir. Réponse dix mots payés". Veuillez m'expliquer ce que cela veut dire.

En attendant je Vous prie de recevoir l'assurance de mes meilleurs sentiments.

Ivan Tourgueneff.

LIV' **).

На углу Малой Морской
и Невскаго, д. 11 кв. 20.
Вторникъ утр.

Любезнѣйшая Любовь Яковлевна, я только вчера вечеромъ поздно, вернувшись домой, нашелъ Вашу карточку. Я немножко удивился и очень обрадовался Вашему пріѣзду— и сегодня въ 12 часовъ буду у Васъ.

Пока дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

*) Только подпись въ этомъ письмѣ сдѣлана Тургеневымъ.

**) Письма подъ №№ 54 и 55 не имѣютъ датъ. Судя по адресу, выставленному П. О. Тургеневымъ въ началѣ письма подъ № 54, а

LV.

Любезная Любовь Яковлевна, мнѣ очень Васъ жаль, но я все таки заѣду къ Вамъ въ началѣ нерваго, и тамъ мы рѣшимъ, что дѣлать.

До свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

LVI*).

50, rue de Douai. Paris.
Четвергъ, $^{30}/_{18}$ марта 82.

Милостивая Государыня

Любовь Николаевна!

Вчера получилъ я Ваше письмо отъ 12-го марта— и спѣшу отвѣтить Вамъ, такъ какъ я уже виноватъ передъ Вами въ томъ, что замедлилъ отвѣтомъ на первое Ваше письмо.

Душевно радуюсь поправленію здоровья Вашей дочери, хотя я еще не получилъ отъ нея ту работу, которую она обѣщалась мнѣ доставить. Что же касается до высылки денегъ, то это совершить весьма просто.—Пришлите эти

также по тому, что въ обоихъ этихъ письмахъ говорится о личномъ свиданіи И. С. Тургенева и Л. Я. Стечькиной, —можно думать, что письма эти слѣдуетъ отнести къ періоду между 15 февраля и 25 марта 1880 года, когда И. С. Тургеневъ и Л. Я. Стечькина одновременно были въ Петербургѣ.

Ср. выше письма №№ 26, 27.

*) Письма подъ №№ 56—65 адресованы матери Л. Я. Стечькиной—Л. Н. Стечькиной: Тульской губ. на станцію Суходолъ Ряжско-Вяземской дор., сельцо Плутпево. Ея Высокородію Любови Николаевнѣ Стечькиной. Кромѣ этого русск. адреса, письма имѣютъ еще адресъ французскій: Russie (Gouv.-de Toula, madame L. Stetchkine).

М. П.

500 руб. сюда на мое имя; я ихъ тотчасъ перешлю Вашей дочери; я могу даже ее предупредить,—и, если ей сейчасъ нужно 500 фр., то я ей немедленно доставлю,— а потомъ вычту изъ полученныхъ отъ Васъ денегъ.

Я остаюсь здѣсь еще мѣсяцъ: 1-го Мая я выѣзжаю изъ Парижа—отправлюсь изъ него къ себѣ въ деревню и по пути, конечно, увижу Васъ.

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

LVII.

Парижъ.
$^{9}/_{21}$ мая 82.

Милостивая Государыня
Любовь Николаевна!

Прошу заранѣе извинить краткость письма: я все еще не встаю съ постели, хотя мнѣ лучше. — Деньги 1260 фр. съ сант. я получилъ,—тотъ часъ извѣстилъ Вашу дочь и просилъ ее дать мнѣ знать, куда именно выслать ей причитающіеся ей за вычетомъ долга 460 фр., такъ какъ она, по слухамъ, въ Ментонѣ не остается. Я еще не получилъ отвѣта,—но тотъ часъ же распоряжусь. Я также не преминулъ сообщить ей, о чемъ Вы мнѣ писали. *)

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и прошу принять увѣреніе съ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

*) См. выше письмо № 41.

М. П.

LVIII.

Seine et Oise.
Буживаль. Les Frênes
Вторникъ, $^{20}/_{8}$ іюня 82.

Любезнѣйшая Любовь Николаевна, я принужденъ обратиться къ Вамъ съ слѣдующей прозьбой.—Получивши отъ Васъ 1260 фр.,—я немедленно извѣстилъ объ этомъ Любовь Яковлевну, прося ее назначить мнѣ, куда выслать ей оставшіеся за мной 460 фр.,—такъ какъ она собиралась выѣхать изъ Ментона. Спустя недѣли двѣ я получилъ отъ нея отвѣтъ, что она переѣзжаетъ въ Италію въ окрестность Лаго ди Комо, въ городъ, называемый,—если я не ошибаюсь, Капеббіо.—Я тогда же отправилъ ей 460 фр. туда на ея имя, по ея желанію—poste restante прося ее извѣстить меня о полученіи. Не получая отвѣта, я, спустя нѣсколько времени, вторично писалъ ей; но отвѣта опять не получилъ, такъ что я до сихъ поръ не знаю, получила ли она эти деньги?—Я хотѣлъ было написать ей въ третій разъ или послать телеграмму, но къ сожалѣнію я затерялъ ея письмо—и адресса хорошенько не помню.—Будьте такъ любезны, пришлите мнѣ этотъ адрессъ или напишите Вашей дочери, чтобы она извѣстила меня, дошли ли до нея эти деньги или нѣтъ? Вы этимъ очень меня обяжете.—Италіанскія почты знамениты въ цѣломъ свѣтѣ своимъ безобразіемъ; но у меня въ рукахъ осталась росписка здѣшняго почтамта, и въ случаѣ неполученія я могу распорядиться.

Что касается до моей болѣзни, то она все въ томъ же положеніи, и надежды на выздоровленіе по прежнему очень слабы.

Дружески кланяюсь всѣмъ Вашимъ и прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

LIX.

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes.
Воскресенiе, $^{1}/_{13}$ авг. 82.

Многоуважаемая Любовь Николаевна, Вы напрасно полагаете, что выставили мой адресъ невѣрно; я и Ваши письма и *три* письма для Вашей дочери получилъ аккуратно; но меня безпокоитъ то, что до сихъ поръ ни дочери Вашей здѣсь нѣтъ, ни извѣстія никакого я отъ нея не получалъ.—

Быть можетъ, на дняхъ это все разъяснится.

Здоровье мое, о которомъ Вы такъ любезно освѣдомляетесь, поправляется—правда, очень, медленно; и я еще не могу предвидѣть, когда мнѣ можно будетъ пріѣхать въ Россію; во всякомъ случаѣ не осенью. Примите выраженіе искреннихъ чувствъ дружбы и уваженія.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Мой парижскій адресъ: 50, rue de Douai.— Но я остаюсь здѣсь еще 6 недѣль, по меньшей мѣрѣ.—

LX.

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes.
Суббота, $^{26}/_{14}$ авг. 82.

Многоуважаемая Любовь Николаевна!

Сейчасъ получилъ Ваше письмо.

На Вашу телеграмму я отвѣчалъ немедленно, а теперь посылаю Вамъ послѣднее письмо Вашей дочери, писанное 14 авг., т. е. 12 дней тому назадъ.—Вы изъ него убѣдитесь, что Ваши опасенія преувеличены.—Я ей

тогда же, а именно 20 августа, послалъ желаемые ею 350 фр. Правда, я до сихъ поръ не имѣю отвѣта, но, конечно, буду имѣть его на дняхъ. Если бы что случилось, содержатель гостинницы далъ бы мнѣ знать.

Примите увѣренія въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

LXI.

50, rue de Douai, Paris.
Seine et Oisc.
Bougival, Les Frênes.
Понедѣльникъ, $^{18}/_{6}$ сент. 82.

Любезнѣйшая Любовь Николаевна!

Не могу не выразить Вамъ моихъ недоумѣній по поводу Любовь Яковлевны. Вотъ въ чемъ дѣло: болѣе мѣсяца тому назадъ я получилъ отъ нея изъ La Prese письмо, въ которомъ она просила меня выслать ей немедленно 350 фр.—для возвращенія въ Россію.—Я тотъ часъ это исполнилъ; но, не получая отъ нея извѣстія, спустя 10 дней написалъ содержателю гостинницы въ La Prese, чтобы узнать, въ чемъ дѣло? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что у него дѣйствительно жила M-lle Stetchkine и получила эти 350 фр.; но что она отъ него выѣхала больная и находится теперь въ Люцернѣ, въ Hôtel Swann, оставшись ему должною двѣсти съ чѣмъ то франковъ. Я его успокоилъ на счетъ полученія этихъ денегъ—и въ тотъ же день написалъ Вашей дочери въ Люцернъ, прося отвѣта и извѣстій, но никакого отвѣта не получилъ. — Между тѣмъ четыре дня тому назадъ я получилъ отъ Васъ телеграмму, адрессованную сюда на мое имя—и на ея, въ которой

значилось, что и „La lettre de Paris a retardé quatre ours.“ Не будучи въ состояніи понять ея смысла, я долженъ былъ однако заключить, что Ваша дочь въ Парижѣ; но никакой вѣсти отъ нея не получилъ, хотя ей извѣстенъ мой адресъ въ Буживалѣ. А вчера мнѣ изъ Crédit Lyonnais присланы (правда на имя de M-r Touzeniff—Chalet Frère) 355 фр.—прибавивъ, что я долженъ передать эти деньги *Господину* Стечькину—à monsieur Stetchkine.—Продолжая ничего не понимать, я рѣшилъ обратиться къ Вамъ съ прозьбой разрѣшить всѣ эти недоразумѣнія.

Гдѣ Любовь Яковлевна и что мнѣ дѣлать съ этими деньгами?

Я получилъ отъ Васъ на ея имя *четыре* письма; три я къ ней отправилъ, а *четвертое* пока остается у меня.

Надѣюсь, что все дѣло объяснится просто и что ничего худого не скрывается подъ всѣмъ этимъ.—Во всякомъ случаѣ прошу не замедлить отвѣтомъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Въ началѣ письма стоятъ мои два адресса: *парижскій и буживальскій*.

LXII.

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes.
Суббота, $^{23}/_{11}$ сент. 82.

Многоуважаемая Любовь Николаевна!

Изъ полученнаго сегодня Вашего письма я узналъ, что Любовь Яковлевна находится въ Парижѣ. Сама она

о себѣ мнѣ ничего не дала знать,—и адресъ ея мнѣ неизвѣстенъ. И потому мнѣ приходится просить Васъ сообщить мнѣ этотъ адресъ, такъ какъ я непремѣнно долженъ ее видѣть.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

LXIII.

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes.
Воскресенiе, 1 окт. 82.

Любезнѣйшая Любовь Николаевна!

Два дня спустя послѣ моего письма къ Вамъ, Любовь Яковлевна явилась ко мнѣ и привезла мнѣ свою повѣсть. Хотя ея здоровье не совсѣмъ удовлетворительно,—но никакихъ причинъ къ безпокойству нѣтъ,—и Вы напрасно тревожились.—Деньги 350 фр. я ей вручилъ. Она черезъ недѣлю собиралась въ обратный путь. Повѣсть ея я прочелъ—и остался ею доволенъ, хотя и сдѣлалъ кой-какія замѣчанія, которыя она хотѣла принять къ свѣдѣнію. На дняхъ я долженъ снова ее увидѣть.—Если бы ей понадобились деньги, то Вы и на этотъ счетъ не должны безпокоиться.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Телеграмму Вашу съ адрессомъ Любовь Яковлевны я получилъ; но уже имѣлъ его отъ нея самой.

LXIV.

Seine et Oise.
Bougival. Les Frênes.
$^{21}/_{9}$-го окт. 82

Любезнѣйшая Любовь Николаевна!

Въ отвѣтъ на Ваше письмо имѣю Вамъ сообщить слѣдующее.—Любовь Яковлевна находится все еще въ Парижѣ. Она проболѣла нѣсколько дней, была въ постели, однако теперь поправилась. Но ѣхать ей въ Россію невозможно. Извѣстный докторъ Жаккý, съ которымъ она совѣтывалась, объявилъ ей, что раньше весны она въ Россію возвратиться не должна и думать, и что ей слѣдуетъ провести это время на югѣ Франціи, въ тепломъ климатѣ. Поэтому, если бы даже я могъ ссудить Вашей дочери 1300 фр. на возвращеніе въ Россію, что теперь мнѣ невозможно, — она все-таки не могла бы исполнить своего и Вашего желанія, а потому я вотъ что ей присовѣтовалъ: стараться отыскать такое мѣстечко въ южной Франціи, гдѣ жизнь была бы дешевле. Что же касается до денежныхъ средствъ,— то во первыхъ я переслалъ ей 300 фр.;—во вторыхъ можно продать Стасюлевичу ея повѣсть, нѣсколько ее исправивши, что не затруднительно, но безъ чего она не будетъ принята... Это можетъ доставить *250* руб. Любовь Яковлевна обѣщалась это сдѣлать въ скорости,—однако до сихъ поръ медлитъ. Черезъ мѣсяцъ я могу предоставить въ ея распоряженіе 300 фр.; но этимъ и ограничится моя помощь. По моему расчету (если повѣсть удастся продать)— оставалось бы Л. Я. получить изъ дому—1000 фр.— сложивъ все вмѣстѣ—этихъ денегъ хватитъ и на прожитокъ, и на поѣздку.

Есть городки въ южной Франціи, гдѣ можно жить за 5 фр. въ день;—4 мѣсяца—120 дней составитъ 600, положимъ 700 фр. Остальное пойдетъ на уплату долговъ и на путешествіе.

Другого средства я не вижу.

Надѣюсь, что Вы теперь меньше будете предаваться безпокойству,—хотя будущее еще не въ розовомъ свѣтѣ, — и прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

LXV.

Парижъ, 50, rue de Douai.
$^{22}/_{10}$ Декабря 82.

Многоуважаемая Любовь Николаевна!

Спѣшу отвѣчать на Ваше письмо и заранѣе прошу Васъ быть увѣренной въ совершенной правдивости каждаго моего слова.

Дочь Ваша, Любовь Яковлевна, серьезно больна,—хотя вовсе не безнадежно.

Она настолько серьезно больна, что докторъ Жаккý, одинъ изъ первыхъ здѣшнихъ врачей,—объявилъ ей, что она не должна думать вернуться въ Россію раньше весны—и что пока ей нужно пребываніе въ южномъ климатѣ. Соображаясь съ этимъ, мы здѣсь ее снарядили, достали денегъ и отправили въ Неаполь, куда она по телеграммѣ благополучно прибыла и гдѣ она найдетъ знакомыхъ, которые примутъ ее на свое попеченіе. Оставаться въ самомъ Неаполѣ она, вѣроятно, не захочетъ, а выберетъ мѣсто по близости, вѣроятно, Сорренто, гдѣ жизнь гораздо дешевле. Средствъ для жизни у нея на два мѣсяца хватитъ. Нѣтъ

сомнѣнія, что она уже Вамъ написала,—и потому Вамъ особенно тревожиться и безпокоиться нечего. Приходится Вамъ еще ждать нѣсколько времени до свиданія съ Вашей дочерью—что дѣлать! Есть основательныя причины предполагать, что пребываніе въ тепломъ климатѣ настолько ее поправитъ, что она будетъ въ состояніи вернуться въ Россію.

Повторяю Вамъ, все это самая несомнѣнная, неприкрашенная правда: нельзя назвать ее успокоительной,—но тревожиться и волноваться тоже не изъ чего.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи

преданнаго Вамъ

Ив. Тургенева.

475685

Цѣна 70 коп.